

Игорь Шиповских

**Сказка о бравом
пареньке
Ермолке и его
друге вольном
соколе**

новелла-сказка

Игорь Шиповских

**Сказка о бравом пареньке
Ермолке и его друге вольном
соколе. Новелла-сказка**

«Издательские решения»

Шиповских И. Д.

Сказка о бравом пареньке Ермолке и его друге вольном соколе.
Новелла-сказка / И. Д. Шиповских — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939257-2

Сказка о самородном таланте и негданном переполохе из-за него, о дружбе двух совершенно неожиданных товарищей и их преданности друг другу, о невероятных приключениях и даже участии в этом неземных изобретений. А действие этой захватывающей истории происходит в нашем государстве во времена царя-батюшки, который, кстати, стал неким катализатором всего случившегося, хотя главными героями этой сказки являются, конечно же, более даровитые, умелые и талантливые люди...

ISBN 978-5-44-939257-2

© Шиповских И. Д.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

**Сказка о бравом паренъке Ермолке
и его друге вольном соколе
Новелла-сказка**

Игорь Дасиевич Шиповских

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2018

ISBN 978-5-4493-9257-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Случился как-то в давние времена в нашем царстве, в Российском государстве, шумный переполох, и до того шумный что его отголоски аж до самого царя-батюшки докатились. А виновником тому переполоху стал один очень забавный паренёк со звучным и весёлым именем Ермолка по прозвищу Колокольчик. Уж такой парень был, что просто молодец, да и только. И всё-то в нём ладно было; и ростом-то он высок, и в плечах широк, и душой прекрасен и даже лицом благообразен.

Однако, невзирая на все эти достоинства, имелся у него довольно-таки весомый недостаток. Уж больно он любил пофантазировать да помечтать. А оттого, с ним постоянно случались всякие несуразные ситуации, подобные той шумной сумятице, что не оставила равнодушным не только царя-батюшку, но и большую половину народу государства нашего. А начиналась эта сумятица очень даже прозаично и заурядно.

Сидел как-то Ермолка после обеда на завалинке своего родного дома. Как всегда мечтал, фантазировал, семечки лузгал, да ворон считал. И было это его обыкновенным времяпрепровождением, потому как постоянной работы у него не имелось, а всем его занятием считалось только то, что под присмотром тамошнего дьяка Кузьмы прислуживать в соседней церковной лавке. Да и то, заняться это было пустяковым. Мастерил он там разные безделицы, собирал огарки восковых свечей, плавил их да в плитки складывал.

А ещё, на малые колокольцы, что с городской кузни в лавку свозили, языки подвешивал и на звук их пробовал. И вот это занятие Ермолке очень нравилось. Оттого-то и прицепилось к нему прозвище «Колокольчик». Слух у него был особенный, музыкальный. Вот местный батюшка Ферепонт и приспособил Ермолку на колокольцах мелодичное звучание настраивать. А за эту его способность он ссужал ему медные монетки да снабжал кой-какой снедью. На то Ермолка и жил да не тужил. С утра помастерит немного, свечи поплавит, колокольцы настроит, языки им понавешает, а после обеда сидит себе на завалинке да фантазирует.

Вот и в этот раз сидел так Ермолка, семечки лузгал, отдыхал, фантазировал, мечтал, и уж так распалился, что захотелось ему полетать, аки птицы летают. Смотрит он на скворцов, что на соседней берёзке с ветки на ветку перескакивают да галдят безумолку, и думает.

– Вот ведь скворцы, ... что же за птицы, летают себе беззаботно и летают, ... знай, крыльями машут, ... а ведь они так же, как и я, семечки пощёлкать любят, ... вон их осенью на подсолнухах сколько пасётся. Так может и я, как они летать смогу, ... ну чем я хуже их! Мне бы только крылья сделать, ... я бы и полетел! Ох, уж я бы тогда высоко поднялся, ... а оттуда с небес посмотрел бы на всё, ... и на город, и его улочки, и на реку широкую и на рощу далёкую! Это не то, что с колокольни глядеть, ... что проку в ней, лазил я на неё, ... оттуда лишь окрестности видать. А тут я бы на весь мир посмотрел, ... и не только посмотрел, но и себя бы показал, ... сверху крикнул бы всем людям, ... вон, мол, смотрите, каков я, ... летаю! – вдохновенно рассуждал он, сидючи на обыкновенной дворовой завалинке.

Ну, посидел он так ещё с минуточку-другую, подумал, да и решил себе крылья сделать, но непростые, а такие, чтоб на них можно было с обрыва, который над речкой возвышался, с разгону прыгнуть и взлететь. И это он правильно придумал, потому как, если что не так пойдёт, то он просто в речку с обрыва свалиться, в воду бултыхнётся и всего-то делов. По крайней мере не расшибётся, как другие расшибались. А ведь до него были и другие, которые полетать хотели. Но только прыгали они не с речного обрыва, а с высокой колокольни да со скалистого утёса. И это неблагоприятие к беде приводило. Разбивались люди и калечились. И таких случаев в прошлые годы немало было, только ныне про них позабывали, хотя в своё время они тоже много шума наделали.

2

Вот и сейчас, Ермолка своим решением полетать аки птица, вызвал у людей, узнавших про это немалое смятение. И суждения их на этот счёт резко разошлись. Кто-то поддержал его:

– Давай, лети! Бог тебе в помощь... – говорили доброжелатели. А кто-то осудили и на смех поднял:

– Да куда же ты лезешь, недотёпа ты нерасторопный! Ведь ты же акромья как колокольцам языки подвешивать ничего больше и делать-то не умеешь! Смотрите-ка на него, а уж летать собрался... – потешались над ним такие злопыхатели.

– Ничего я вам докажу на что я способен! Уж что-что, а мастерить-то, я ловко умею! Уж я себе такие крылья сделаю, что сами птицы мне позавидуют! – лихо отвечал насмешникам Ермолка, да чтоб времени зря на разговоры не тратить за дело взялся.

Перво-наперво соорудил он из бечевы прочный силок. Поставил его в поле, положил в него приманку, а сам в кустах схоронился, да за бечеву дёргает, приманку пошевеливает. Пришёл момент и на эту нехитрую уловку сокол попался. Он как раз в это время там на дичь охотился.

Разглядел сокол с высоты сытную приманку да камнем вниз на неё кинулся. Тут и Ермолка подоспел, схватил его. И едва сокол у него в руках оказался, как он сразу же принялся крылья его изучать, рассматривать да замерять. И всё очень осторожно, бережно делает, лишь бы вреда вольной птице не нанести. Всё осмотрел, всё просчитал, перышко к перышку, пушинка к пушинке. Взял у дьякона Кузьмы кусок бумаги-пергамента, перо с чернилами, и тщательно зарисовал устройство соколиного крыла. А сокола ясного, за его службу добрую, снедью накормил, молоком напоил, да на волю выпустил.

Сокол птица быстрая, проворная, только с руки вспорхнул, как уже ввысь взметнулся. Но далеко не улетел, покружил над Ермолкой, покружил и назад вернулся. Сел рядом с ним на ветку, сидит, смотрит, что тот дальше делать будет, а Ермолка ему удивляется.

– Ты что же это не улетел? Иль я тебе по душе пришёлся? Видать ласково я с тобой обращался, раз ты меня оставлять не желаешь! А может, тебе угощенья мои понравились? – спрашивает его Ермолка да добродушно улыбается. А сокол в ответ лишь головой кивнул, крылья свои расправил, и клёкочет, словно сказать ему хочет. Мол, вот он я, гляди на меня! Делай, что задумал, а я тебе во всём помощником буду, но только уж больше не отпускай меня, ещё пригожусь!

Ну, Ермолка посмотрел на чудо такое, да и смекнул, что сокол тот птица непростая и что лучше будет его у себя оставить. Дал он соколу молочка попить, доброй едой его угостил, а сам за второе дело принялся. Собрался и в лес-поле пошёл, чтобы для своих крыльев найти легкий хворост и сухую солому. Хворост на каркас употребить, а солому, чтобы перья заменить. Ведь перьев-то ему негде было взять, да и много их требовалось. Это же столько на такие большие крылья перьев нащипать надо, так никаких гусей и уток что по соседству паслись, не хватило бы. Хотя и паслось их тогда великое множество. Вот и пошёл он в лес-поле за соломой и хворостом.

А сокол-то за ним полетел. Летит и дорогу ему подсказывает, будто знает чего Ермолке в лесу надобно. Так и пробродили они до самого вечера. Сокол летал, места удобные Ермолке показывал, а тот только успевал, нужные ему хворостины подбирал, да солому в пучки складывал.

Вернулись они домой запоздно, усталые, но довольные. Всё что надо нашли, всё, что необходимо принесли. Ермолка по сусекам малость поскреб, еды кой-какой набрал, сам поел и сокола накормил. И уж так у них сегодняшней день удачно сложился, что подружились они

не на шутку. И даже понимать друг дружку начали с полуслова с полуклёкота. Ну а перекусив, на ночлег устроились.

Ермолка жил один, свободного места в доме много было. А дом ему этот от родителей достался, сами-то они давно уже съехали. Отец у него человек военный был, и ему по службе пришлось на другое место перебраться, ну а матушка за ним последовала. Да так они на новом месте и остались. Ермолка же здесь один обосновался, а тут на тебе, у него вдруг сокол поселился. Так они теперь и зажили вдвоём. Утром вставали да за работу брались. Ермолка крылья мастерил, скреплял их воском, жиром смазывал, примерял, да под свой размер подгонял. А сокол со стороны наблюдал и подсказывал, как всё лучше сделать. Подлетит к Ермолке да клювом на хворостину укажет, мол, такая здесь не годится, замени. Иль пучок соломы ему подаст да посоветует, куда его понадёжней приспособить.

Вот так они совместно и трудились. Пять дней кряду работали, а на шестой получились у них крылья не хуже соколиных, только размером в насколько раз больше. Ну, сделать-то они их сделали, а теперь их ещё и испытать надо. И пошли они тогда на крутой берег к тому самому обрыву, который Ермолка заранее приглядел. А там их уже народ дожидается.

3

Заприметили люди, что Ермолка крылья несёт, вот враз и собрались, словно им кто подсказал, где он прыгать затеялся. Чутьё у нашего народа такое, что он уж тут как тут, когда где-нибудь что-то важное намечается. Стоят люди, смотрят, и ждут, как дела дальше развиваться начнут. Народу уйма притопала, и кого тут только не было, все примчались. И соседская ребятня гурьбой нагрянула, и бабки торговли с рынка вперемешку с лавочниками понабежали, и кузнец со всеми своими подмастерьями явился, и гончары руки в глине пришли, и даже батюшка Ферапонт с дьяконом Кузьмой пожаловал. Да почитай весь околоток собрался. Подзуживают Ермолку, подначивают-науськивают, обстановку накаляют, ажиотаж создают.

– Давай начинай! Прыгай! Чего тебе ещё надо! Кого ждёшь, Ермолка-Колокольчик! Иль ты только языком трезвонить можешь! – кричат ему, подстёгивают, поторапливают. А сокол так рядом с Ермолкой и держится, летает возле него, кружит, поддерживает его своим клёкотом, мол, не слушай их, не страшись, делай своё дело.

Ну а Ермолка не из пугливых, его заполошными криками не возьмёшь. Долго думать он не стал, крылья на себя нахлобучил, хорошенько прицелился, и давай разбежаться, руками махать. До конца обрыва домчал, сходу подпрыгнул, от земли оторвался, и полетел. Да непросто полетел, а воспарил, будто лебедь белая. Чего, конечно же, никто не ожидал. И уж как у него такое получилось лишь одному Богу ведомо. Не то ему ветер удачно подул, не то он крылья верно смастерил, а может и разогнался как следует. Но только воспарил он над рекой и летел аж целых три минуты.

Однако стоило ему ещё раз крыльями взмахнуть, чтоб повыше взобраться, как он тут же потерял равновесие и словно мешок с крупой вниз рухнул. Крылья у него сложились, и он в воду шлёпнулся. Ну а людям, что на обрыве собрались и на его полёт глазели, и этого с лихвой хватило, чтоб поразиться до бескрайности.

– Ну, надо же, вот ведь что учудил! Летел по-настоящему! Парил аки птица! Вон столько в воздухе продержался! А парень-то молодчина! Ох, и мастак, действительно чудесные крылья сделал! Да уж такое утворил! Ну, какой же он после этого Ермолка-Колокольчик, теперь он мастер Ермолай! – кричат ему люди с берега и руками машут, приветствуют.

А он побултыхался ещё чуток, от остатков крыльев, что намокли, потяжелели и ему мешали, избавился, да к берегу не торопясь направился. А сокол-то над ним так и кружит, летит, смотрит, чтобы Ермолка с пути не сбился, направляет его своим клёкотом. Ведь ему-то сверху лучше видно, куда плыть надо. Добрался Ермолка до берега, на сушу вылез, сокола поблагодарил и к людям пошёл. А те уже и сами к нему бегут да на ходу кричат, судачат.

– Ну, какой же ты удалец! Вон что совершил! Ты теперь на весь белый свет прославишься! О тебе легенды слагать будут! – ликуют люди да радуются. И все такие довольные, все его поздравляют и даже батюшка Ферапонт с дьяконом Кузьмой ему улыбаются, один только он не доволен.

– Эх, мало я пролетел, ... хотелось-то побольше и подальше, ... жаль, ведь так ничего поглядеть-то и не успел... – сетует он, негодует, хотя у самого на душе и приятно, оттого что его так встречают и восхваляют.

А меж тем молва о нём уже впереди его бежит. Вскоре весь город только и делал, что про его полёт говорил. Уж что-что, а слухи-то у нас разносятся быстрее молнии.

Вот тут-то переполох и начался. И всяк человек по-своему эдакую нежданную новость воспринял. Кому-то она и замечательной показалась, а кому и крамольной. Многие его поддержали, и полёт одобрили. Однако многие же и порицали да супротив встали. Но вот молва дошла до царя-батюшки. А он сурово рассудил, долго собираться не стал и сейчас же велел всякую полемику прекратить.

– Хватит! Довольно! Более никаких разговоров о полётах вестись не должно! Такие крикотолки вредны и опасны! Живо запретить! А то, ишь, подняли переполох! Раскудахтались словно куры на базарной площади! Так глядишь и до бунта недалеко! А этого паренёка, что без моего ведома летать осмелился, прогнать подальше от города! Нечего ему народ баламутить! – распорядился государь и со зла аж ножкой топнул-прихлопнул.

А уж коли царь-батюшка повелел, да ещё столь грозно, то такое приказанье надобно немедленно выполнять. И кинулись слуги царские порядки наводить, да всякого кто про тот полёт помянёт кнутами бить, а кому и острогом пригрозили. Разумеется, переполох сразу же на убыль пошёл. Народ после такого предупреждения вмиг притих, успокоился, и на Руси вновь замирение началось, сплошь тишь да гладь и полное молчание.

Все ходят, нос друг от друга в сторону ворочают, вроде как ничего и не случилось. Ну не любят у нас разные новшества да светлые идеи, наверное, потому-то мы до сих пор так и живём по старинке. Мало знаешь, лучше спишь, говорят у нас, да и остаются в полном неведении и спокойствии. Но вот только Ермолка никак успокоиться не желал, не в его это натуре. Он уже познал радость первого полёта, и теперь ему хотелось его повторить.

– Кто хоть раз вкусил неба, тот уж никогда от него не отступится! – смело рассуждал он, и продолжал готовиться к новым свершениям. Однако не тут-то было, вскоре к нему пожаловали царские стражники, и сходу зачитали строгий государев указ. В коем чёрным по белому говорилось, что ему Ермолке-баламуту, велено прекратить летать, а главное, чтобы народ к смуте не склонял, и переполоху в стране более не делать, ему надлежит немедленно покинуть город и отправиться на все четыре стороны, иначе не миновать кары жестокой. Выслушал Ермолка сей указ и понял, что делать нечего, супротив царской воли не пойдешь, а плетью обуха не перебьёшь.

Сел на завалинку загрустил и решил подчиниться. А душа-то у него по-прежнему в небо рвётся. Посидел он так, погоревал, покручинился, и пошёл к батюшке Ферапонту просить благословения на дальнюю дорогу да на постройку новых крыльев. Приходит к нему и говорит.

– Прости ты меня отче, ... ну не могу я царский указ выполнить, ... зовёт меня небо ясное, ... манит со страшной силой, ... летать мне хочется! И пусть государь мне карой жестокой грозиться, и пусть в острог посадит, но не видать мне света белого, если я хоть ещё разок в воздух не поднимусь! Дозволь мне батюшка опять судьбу испытать, крылья сделать и в небо светлое слетать, ... что скажешь отче? как мне дальше быть? ... – спрашивает он его, да на добрый совет надеется.

А надо заметить, что Ермолка не зря к батюшке Ферапонту обратился, ведь тот для него после того как родители съехали, стал вместо отца родного и всегда помогал.

– Ну что я тебе могу сказать, сын мой, ... не на простую дорожку ты встаёшь, ... и хотя, казалось бы, надо мне тебя отговаривать от такого поступка, но не стану я этого делать, а наоборот подскажу, как поступить тебе вернее. Ну, вот ты сам подумай, что толку коли ты снова себе крылья сделаешь, ... ну сделаешь ты их, ... ну пролетаешь ты ещё немного, да потом опять грохнешься! А то и ещё хуже, расшибёшься да покалечишься, на том и кончатся все твои полёты, ... а дальше что? Ходить кривоногому да грустить? Нет уж, ... не надо нам такого! А вот давай-ка я тебе кое-что подскажу, а ты уж дальше сам понимай, как тебе быть! Живёт за хвойным лесом, в дальней пустоши, среди Седых гор один очень загадочный старец-отшельник. Зовут его Серафим. Он мудрый хранитель славных традиций и знаний наших древних предков. Обитает он там с незапамятных времён и помнит ещё те века, когда на Руси селилось необыкновенное племя людей-птиц. А называли их так, потому что умели они летать. И уж как они этого добивались, сейчас никто не знает. Толи они себе крылья приделывали, толи ещё, каким образом в воздух поднимались, ... о том ныне ничего неведомо. Однако то, что парили они в небесах наравне с птицами это весьма известно. И про это даже есть запись в старинных летописях. Так вот, старец тот Серафим знает много всяких тайн и секретов о способностях

тех необыкновенных людей. А ещё сказывали он когда-то и сам вместе с ними летал. Только об этом говорили так давно, что я тогда лишь ещё под стол пешком ходил, да тайком про это подслушивал. А подслушивал потому, что в те времена о старце том принято было говорить шёпотом. Вот насколько он загадочен! Ну, теперь понимаешь, о чём я тебе толкую? – резко сделав паузу, вдруг спросил батюшка Ферапонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.